

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. М. ЭКМАЛЯН, *Наука: генезис и социальная функция, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1983, 250 с.*

Вопрос о том, какую роль играет наука в жизни общества, как выполняет она эту роль приобрел в последние десятилетия первостепенное теоретическое и практическое значение. И это естественно, если учитывать ту неуклонно возрастающую роль, которую играет наука в решении целого ряда задач. Рецензируемая монография и посвящена исследованию этой актуальной проблемы. Обращение автора и к другим многочисленным проблемам, рассматриваемым в книге, несомненно подчинено решению главной задачи всей работы.

Книга начинается с анализа основных направлений интерпретации понятия науки в отечественной и мировой литературе, он приводит автора к выводу (который в работе убедительно доказывается), что наиболее близким к истине и наиболее плодотворным в эвристическом отношении пониманием науки является то, которое интерпретирует науку как подсистему, как особую отрасль духовного производства, а именно—отрасль по производству научного знания. В этой интерпретации наука предстает как внутренне целостный социальный организм, как единство деятельности по производству научного знания и самого научного знания; сущность этого единства, выражающаяся в диалектической взаимообусловленности научной деятельности и научного знания и, в определенном отношении, переходящая в их тождество, состоит в том, что научное знание одновременно является и продуктом, и средством, и условием научной деятельности, а также олицетворяет присущий научной деятельности имманентный механизм развития. Интерпретируя науку как подсистему общества, автор рецензируемой работы ставит вопрос о роли этой подсистемы в общественной жизни. При этом он исходит из того правильного, на наш взгляд, положения, что имеется генетическая связь между социальной ролью науки как отрасли по производству научного знания и ролью человеческого познания вообще в жизни общества. В книге подчеркивается, что если родовым признаком человеческой деятельности является ее осознанно целесообразный характер, то способность производить объективно-истинное знание и оперировать им является необходимым условием человеческой деятельности. Опираясь на знание, формулируют цель деятельности и выбирают средства для ее достижения, т. е. посредством производства и потребления объективно-истинного знания человеческой деятельности придается рациональный характер. А поскольку наука, говорит автор, является деятельностью по производству объективно-истинного знания и системой такого знания, постольку и она, подобно человеческому познанию вообще, придает деятельности людей рациональный характер. Однако наука выполняет эту роль на качественно более высоком уровне (с. 15—16, 78). В итоге, основываясь на науке, деятельность людей приобретает возможность достижения той степени рациональности, которая и превращает ее в последовательно рациональную деятельность. При этом автор определяет, и это весьма ценно, само понятие «последовательно рациональная деятельность». Это такая деятельность: а) цели которой реальны, средства же не просто достаточны, а оптимальны; б) которая учитывает не только ближайшие, непосредственные, но и отдаленные, опосредованные результаты человеческой деятельности; в) которая не только не противоречит законам природы, и уже потому принципиально вполне осуществима, но вместе с тем осознает наличие исторически подвижных пределов, в рамках которых она допустима при данном уровне развития общества (с. 80—87).

Затем А. Экмальян ставит два важных вопроса: что позволяет науке, в отличие от обыденного познания, придавать деятельности последовательно рациональный характер и каким образом наука осуществляет эту роль? Отвечая на первый из этих вопросов автор проводит многосторонний специальный сопоставительный анализ науки и обыденного познания, основанный на тщательном изучении и обобщении большого числа работ советских и зарубежных ученых, посвященных проблемам теории познания, логики и методологии науки, который позволяет ему вычленил и привести в систему методологические, социологические и психологические признаки, присущие науке и чуждые обыденному познанию, которые и объясняют способность науки выполнять эту социальную роль (с. 16—45). Переходя к решению второй проблемы, он скрупулезно исследует структуру трудовой деятельности и, приходя к двум фундаментальным выводам: 1) марксов анализ простых моментов процесса труда, при котором выделяются: а) целесообразная деятельность; б) предмет труда; в) средства труда, действительными «всех видов физического и умственного труда», включая науку, «я не только для материально-производительного труда», который «выступает в качестве непосредственного предмета марксов анализа» (с. 61); 2) принятый в советской зарубежной литературе иррациональный «основных функций труда» не является полным. По меньшей мере, существует еще одна самостоятельная функция труда — процесс производства знаний, непосредственно вплетенный в ткань трудового процесса, которую можно назвать «познавательной» функцией труда, подобно тому, как мы называем другие функции труда «энергетической», «рабочей» и др. (с. 65—70). Эти выводы позволили А. Экмальяну во-первых, обоснованно заключить, что все виды труда, в том числе виды труда «предельно близкие» духовное производство, включая науку, являют собой единство материального и идеального действия субъекта труда и в силу этого единства принципиально существовать не могут (с. 89—90). Во-вторых, позволили вычленил и предельно исследовать идеальный компонент труда и интерпретировать его как духовную потенцию труда, которую он, по наш взгляд, весьма удачно определяет как «актуализируемую» в акте труда, «части духовных» способностей субъекта труда. Понциально подчеркивает автор, все духовные способности человека могут функционировать в роли духовной потенции труда. Но актуально в этой роли каждый раз выступает только часть этих способностей. Вместе с тем, в структуре духовных способностей к труду есть такая часть, которая актуализируется всегда, когда происходит трудовой процесс. Это ядро духовной потенции труда. И сводится оно к как убедительно показывает Экмальян, к познавательной способности субъекта труда, к ее продукту, к воле, эмоциям, к интуиции, к умению действовать и т. д. И также к знаниям, воплощенному в материальных и идеальных формах, к «методам», «применяемым» в процессе труда, в организационных формах, в которых осуществляется производство (с. 93—94).

Понциально анализируя структуру ядра духовной потенции труда, Экмальян указывает, что всякие человеческие способности человека, его умение действовать могут являться нам в качестве компонента ядра духовной потенции труда (тройке: а) в виде обыденного познания (обыденного мышления, рецептурного знания), стихийно сложившегося умения (в том числе в области обывания), воли и т. д.; б) в виде научного сознания (научно-опытного познания), научно-обобщенного метода действия (в том числе познания), воли и др.; в) в форме сочетания элементов вида и т. д. При этом вид б) «закладывается» в чистом виде воедино сформированной теоретической. Согласно автору, рецензируемой работы функционирование рассматриваемых духовных способностей в роли духовной потенции труда предельно близки к «элементу» четвертой трудовой акта. Они входят в процесс производства качества элементов производимых, как и являются «всех исторических» этапов «развития» непосредственной производительной силой (с. 93—94).

Какую же роль выполняет духовная потенция в трудовом процессе? По автору она сводится к трем функциям: 1) к осуществлению целей трудового акта; 2) к планированию деятельности по реализации этой цели; 3) к осуществлению контроля за действиями субъекта труда, направленными на претворение в жизнь плана реализации цели и внесения корректив в принятый план (с. 75). Все это означает, что духовная потенция труда является тем фактором, которым во многом и определяется степень соответствия результатов

труда, цели труда. А это объясняется, как убедительно показано в монографии, именно тем, что степень соответствия результатов труда цели труда, является, в свою очередь, производным от того, насколько реальны сама цель труда, план по ее реализации, а также степень точности, с которой претворяется этот план в жизнь. Качество же наших целей, планов и наших действий по их реализации, согласно автору, существенно зависит от уровня, объема и характера знаний субъекта труда, а также от уровня развития способности субъекта деятельности производить эти знания. Именно по этой причине, деятельность, компонентом духовной потенции которой является наука, качественно превосходит по степени своей рациональности деятельность, основанную на обыденном познании (с. 84—92). Далее Экмальян подробно исследует важный в георетическом и практическом отношении вопрос: от чего зависит превращение науки в компонент духовной потенции конкретных видов труда. Как доказывается в книге, это превращение зависит: а) от уровня развития самой науки; б) от уровня развития данного вида труда. В тех же случаях, когда речь идет о превращении науки в духовную потенцию труда по управлению обществом в целом, то необходимым условием такого превращения, подчеркивает он, является социалистическое преобразование общества и построение социализма (с. 92—96).

В рецензируемой работе делается также принципиально важный вывод о том, что роль компонента духовной потенции человеческой деятельности наука выполняет не только на своих зрелых этапах развития, но и на своих самых начальных фазах (с. 234). Для доказательства этого тезиса исследуется проблема генезиса науки. Доказывается, что сам процесс генезиса науки был непосредственно обусловлен общественными потребностями практики бурно развивающейся с конца VI в. до н. э. в древнегреческих городах-государствах с демократической формой правления политико-правовой деятельности и практики идеологической борьбы, резко обострившейся в эту эпоху в древнегреческом обществе (с. 193—213), что наука, как нечто качественно отличное от обыденного познания, от рецептурных форм объективно-истинного знания возникает на основе развития материального производства, но ее генезис не был непосредственным ответом на потребности функционирования и развития материально-производственной деятельности античного общества (с. 179—192).

Аналогичная закономерность прослеживается автором и при анализе явления «вторичного генезиса философии» (понятие впервые введено А. Экмальяном). Решающим признаком «вторичного генезиса философии», по мысли автора, является возникновение оригинальной философской мысли в условиях наличия внешней философской традиции, которая по отношению к ней выступает в качестве одного из ее духовных источников. При этом возникающая философская мысль хотя и опирается на существующую традицию, более того, заимствует у нее многое, тем не менее противопоставляется ей как нечто качественно отличное, самобытное. Одним из классических проявлений «вторичного генезиса философии» является, по утверждению автора книги, становление армянской философии в V—VI вв. н. э. Его анализ убеждает, что непосредственными причинами, вызвавшими к жизни в древней Армении явление «вторичного генезиса философии» также были потребности идеологической, мировоззренческой борьбы, особенно обострившейся в армянской действительности в V—VI вв. н. э. (с. 120—126).

Исследование проблемы генезиса науки, проведенное Экмальяном, выгодно отличается от многих работ подобного рода тем, что базируется на тщательном анализе технологических, экономических, политических, психологических и социокультурных характеристик древнегреческого общества и других древних цивилизаций тех эпох, а также соответствующего историко-философского и историко-научного материала.

В работе также имеются, на наш взгляд, недочеты, упущения. Так, реальное функционирование науки в качестве духовной потенции человеческой деятельности, благодаря которому качественно повышается степень ее рациональности, автором прекрасно показано на примере античности. Однако крайне полезно было бы показать науку в этой роли и в наше время. В книге тщательно проанализировано большое число работ по гносеологическим аспектам исследуемой проблемы. Но этого нельзя сказать о

работах по социологии познания, что, по нашему убеждению, обогатило бы книгу. В основном совершенно правильно переосмысливая место и роль общественно-политической и идеологической деятельности античных философов в становлении и развитии их научной деятельности, Экмальян, на наш взгляд, порой не учитывает, что социальная функция науки и социальная роль ученого явления равнопорядковые.

Книга А. Экмальяна свидетельствует об огромной эрудиции автора, о его владении марксистской методологией исследования общественной жизни, его добросовестности, стремлении указать все то ценное и значительное, что было сделано до него другими авторами по интересующей его проблематике.

В целом рецензируемая работа представляет собой фундаментальный труд, в котором дано глубокое теоретическое обобщение и оригинальное и в то же время убедительное решение такой крупной научной проблемы, как вопрос о природе социальной функции науки и о способе, каким наука выполняет эту общественную роль, проблемы, решение которой имеет сегодня важное теоретическое и практическое значение.

ГУРГЕН МХИТАРЯН,
доктор философских наук, профессор